

Читайте в серии:

Ян Вайлер

«Человек маркизы»

Утхит Хемамун

«Сказители»

Кортни Коллинз

«Птаха»

Ян Вайлер

ЧЕЛОВЕК МАРКИЗЫ

АЗБУКА

Москва

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
В14

JAN WEILER
DER MARKISENMANN

Перевод с немецкого Татьяны Набатниковой

Дизайн обложки Анастасии Ивановой

- Вайлер Я.
В14 Человек маркизы : роман / Ян Вайлер ; [перевод с немецкого Т. Набатниковой]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Имена. Зарубежная проза).
ISBN 978-5-389-25391-9

Конфликт отцов и детей стар как мир и описан во множестве книг.

Но, оказывается, и здесь можно сказать новое слово. Ян Вайлер убедительно это доказывает, рассказывая историю Ким и её отца — Рональда Папена, которого она первые пятнадцать лет своей жизни знала по старой, нечёткой фотографии в семейном альбоме.

Хотела ли она с ним познакомиться? Вряд ли — ведь она о нём ничего не знала.

Была ли она рада, когда мать отправила её к отцу в качестве наказания? Тоже вряд ли. Да и кто рад наказанию.

И, наконец, могла ли она предположить, что знакомство с этим странным человеком — самым, наверное, неудачливым в мире торговцем навесами-маркизами — станет значительным событием в её жизни? Да что там — перевернёт жизнь на сто восемьдесят градусов.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-25391-9

- © Jan Weiler, 2022
© Вайлер Я., 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

Пролог

Когда я вспоминаю тот момент июльского дня 2005 года — это был четверг, вскоре после пяти вечера, — то в голову мне приходит не картина, а чувство: разочарование. Я действительно была огорчена, когда впервые увидела моего отца.

Я представляла себе Рональда Папена иначе. До того как моя мать ушла от него, я, вероятно, видела его постоянно. Но в два с половиной года я была ещё слишком мала, чтобы запечатлеть его образ в своём сознании, запомнить его голос и сохранить воспоминания о его запахе, тепле или манере двигаться. В следующие тринадцать лет мы не общались. Мама всегда объясняла это тем, что мой отец не проявлял ко мне интереса.

Сегодня я знаю, что это не так, и знаю, в чём причина того, что я никогда ничего не слышала об отце. И правда, он не писал рождественских открыток, не слал подарков,

не звонил, не передавал никаких сообщений. Единственным подтверждением тому, что он вообще существовал, служило фото, на котором были они с мамой. На обороте надпись, сделанная его рукой: «Плитвице-88». Его лица на этом снимке почти не видно, оно скрыто примечательной широкополой панамой и солнцезащитными очками. Кроме того, снимок смазанный, да ещё и коричневатого тона. По-настоящему плохое фото, из тех, что отбраковывают, чтобы не занимать место в альбоме. То, что мать его всё-таки вклеила, означало, что эта неудачная память о Рональде Папене была для неё важна. «Это твой папа». Вот всё, что она мне об этом сказала.

Маленьким ребёнком я часто разглядывала это квадратное фото с белыми краями. Мама на нём была очень красивой, насколько можно было судить по нечёткому изображению. На заднем плане виднелись палатки. Вероятно, снимок был сделан у озера в кемпинге.

Это фото было последним в альбоме. После него оставались пустые страницы. Как будто оборвали нить, как будто кто-то осёкся на полуслове, чтобы предаться какому-то более важному занятию.

Когда я пошла в школу и научилась считать, толкование снимка дополнилось новыми деталями. Если он действительно был

сделан летом 1988 года, то мать тогда не была даже беременна мной, потому что родилась я 1 августа 1989-го. В Австрии, где родители были проездом. А через два с половиной года они расстались.

Разумеется, я расспрашивала маму об отце, но она отмалчивалась или раздражалась, когда я о нём заговаривала. А в какой-то момент фото исчезло из альбома. Она дала Рональду Папену исчезнуть, и снимок пары на площадке кемпинга со временем рассеялся как сон, который по пробуждении ещё помнишь точно, потом отрывочно, потом смутно и, наконец, больше не можешь припомнить вообще. Я уже не могла восстановить его подробности. Улыбался он на снимке или нет? Торчала ли во рту сигарета или то была просто царапина на фотобумаге? Чем больше я силилась вспомнить, тем чётче становилась картинка подмены, которую я мастерила из отрывочной информации.

Когда мой отчим Хейко упоминал моего отца, он называл его «утончённый господин Папен». Я ещё не знала, что такое сарказм, но этого утончённого господина представляла себе как мужчину в солнцезащитных очках и в костюме-тройке, очень высокого, как все отцы, очень дружелюбного, но занятого серьёзными вопросами непостижимой профессии. Иногда я мечтала, как нагрюну в его кабинет и внезапно возникну перед его

письменным столом, уперев руки в боки. Он отгонит сигаретный дым, чтобы лучше рассмотреть меня, а я воскликну: «Почему ты никогда не приходил навестить меня!» Не столько вопрос, сколько жалоба. Но ответа я не получала и не могла толком рассмотреть его лицо за клубами дыма. Как бы я ни вставляла себя в эту сцену, сколько бы я о ней ни думала, на этом месте действие обрывалось, потому что мне не приходило в голову ни одной веской причины для его поведения, и поэтому я не могла вообразить себе его ответ.

«У меня нет времени».

«Ты мне совершенно не интересна».

«Мне нельзя».

«Я не мог набраться смелости».

Ни одна из этих фраз не годилась, как и мысль, что он не мог меня разыскать. В конце концов, ведь я-то его нашла, хотя бы в своих фантазиях.

В более поздние годы во мне укрепилось драматическое представление, что он был не в состоянии дать о себе знать, потому что лишился голоса или ещё того хуже: потерял память. Долгое время я представляла себе, что он упал с обрыва и при этом утратил все воспоминания. Я спрашивала мать, что случается с такими людьми, и она говорила: «Их забирают в дом инвалидов и ждут, когда они что-нибудь вспомнят про себя». А что, если

не вспомнят, спрашивала я. Она пожимала плечами: «Тогда они так и остаются там до конца жизни. Куда же их ещё денешь». И я допускала мысль, что мой отец сидит где-то в кресле и отчаянно пытается припомнить меня. Дурацкая идея, ведь если кто-то не может вспомнить, откуда ему знать, о чём он должен вспоминать. Таким образом, он не мог спрашивать себя, где его ребёнок и как его зовут, он мог лишь мучиться вопросом, был ли у него вообще ребёнок. После этого я настраивала себя на то, что процесс его выздоровления может затянуться. И постепенно я потеряла всякое чувство любопытства и благосклонности по отношению к Рональду Папену.

Более того: я развила прямо-таки антипатию к этому смутному человеку, предполагая, что он прилагает недостаточно усилий, чтобы вспомнить. Или он давно перестал обо мне думать и нашёл себе другую семью. Произвёл на свет четверых детей, а свою прежнюю жизнь вставил в прозрачный файл, вложил в папку для бумаг, а папку сунул в шкаф в подвале. Со временем это сделало меня беспощадной в мыслях о нём.

В моих фантазиях он в конце концов превратился в неотёсанного задаваку с толстым носом и огромными ступнями. Иногда я рисовала его себе в гротескно большом костюме, потому что на мой вопрос, чем он

занимается профессионально, мама отвечала: «Делишками», и это наводило на мысль о дурном. И он приобрёл у меня громовой голос и переменчивый характер. Я предполагала, что он был преступником и поэтому моя мать рассталась с ним. Может быть, он уже давно сидит в тюрьме, а может, безвозвратно и бесследно скрылся за границей.

С этим образом я отсекала его, и когда мне было пятнадцать, я уже почти не думала о Рональде Папене. Если подруги замечали, что фамилия у меня не такая, как у матери и её мужа, и приставали с расспросами о моём настоящем отце, я говорила то, что обычно говорят. Что говорят многие, потому что это правда и потому что это принижает значение Смутного, насколько возможно: «Я его не знаю. Мои родители разошлись, когда я была ещё маленькая». И если они докучали расспросами, неужели он мне совсем не интересен, я отвечала, что он мной не интересуется, а я им тем более. И этим всё исчерпывалось. И тема была закрыта.

А кроме того, у меня ведь был уже упомянутый Хейко. Мама хотела, чтобы я называла его папой, хотя я довольно рано поняла, что он не папа. Я была на него так же мало похожа, как пианино на скрипку, и он регулярно подчёркивал, что дети очень дорого обходятся и что утончённый господин Папен не го-

тов оплачивать моё содержание. Я долго не понимала, что это означает. Но по крайней мере это были единственные моменты, когда в доме упоминалась моя фамилия. Как будто она была созвучна с изъясном. «Папен» означало нечто вроде «нахлебника» или «паразита», а я была «дочь от первого брака». Хейко Микулла, казалось, недолго любил отца дочери своей жены, он, казалось, и меня недолго любил, да и любил ли он мою мать, тоже иногда бывало неясно. Но он хотя бы купил в Ханвальде дом, в котором мы жили. Мама полагала, что мы должны быть ему благодарны. Она по крайней мере была благодарна и терпела Хейко с выносливостью, которая тогда казалась мне почти собачьей преданностью.

Я так и не выяснила точно, когда или как они познакомились, но был, пожалуй, бесшовный переход от Рональда Папена к Хейко Микулла. Возможно, он увёл её у моего отца. Или она влюбилась в Хейко и завела с ним любовную связь. Может, в Плитвице-88. Но это означало бы, что я, возможно, была ребёнком вовсе не своего отца, что я решительно исключаю, потому что ни в коем случае не хотела бы быть дочерью Хейко. Уж лучше быть дочерью Смутного, чем дочерью Нестерпимого.

Хейко и мать произвели на свет сына и поженились перед его рождением. Она взяла

его фамилию, и с тех пор я одна Папен среди троих Микулла. Хейко, Сьюзи и Джеффри Микулла. Они называли его Джефф или Джеффи, как какого-нибудь кокер-спаниеля.

Я на шесть лет старше него, вот я уже хожу в школу, но это никого не интересует, потому что у Джеффа колики и его постоянно нужно носить на руках. Вот мне уже восемь, и я выполнила норму по вольному плаванию, но это прошло незамеченным, потому что Джеффи начал ходить. У меня успехи в учёбе, как и во всём остальном, но этого никто не видит, тогда как Джеффри что ни сделает, всё на виду. Это просто человекообразный буй-ревун, который приходит в движение при малейшем душевном потрясении.

Преимущество такой семейной конструкции состояло в том, что меня чаще всего оставляли в покое. Это эвфемистическое описание того обстоятельства, что ни одной душе на свете не было дела до меня. Я не обижалась за это на маму, я ведь ничего другого и не знала, и даже чувствовала себя вполне хорошо в своей невидимости. Никто не говорил мне, когда я должна ложиться спать, никто не ругался за постер на стене в моей комнате или на беспорядок в ней, потому что ко мне попросту никто не заглядывал.

Но иногда мне этого хотелось. Тогда я сидела за письменным столом и рисовала или воображала себе, как входит мать, подходит

ко мне, ерошит мне волосы на затылке и хватит. За это я подарила бы ей картинку, а она прилепила бы её на холодильник. Но никто ничего на холодильник не лепил.

Это звучит грустно. А ведь при этом у меня всё было хорошо. У меня была просторная собственная комната и даже половина ванной. Вторую половину использовал Джефффри, которого я втайне называла Кроватькой, для меня это было тогда символом хитренького, червеобразного существа, лишённого всякой привлекательности или хотя бы теплокровного человекоподобия, которое иногда могут выказывать даже амфибии. Я прямо-таки ненавидела моего младшего полубрата, при этом его вины не было в том, что он любименький желанный сын рядом с нежеланной навязанной падчерицей. Гоффри то, Гоффри сё.

Пока мама и Хейко обсуждали добычу бессмысленных вещей, которыми они всё больше забивали дом, я проводила своё детство в старании стать как они, то есть ориентированной на потребление и себялюбие. На этом месте я могла бы схитрить и заявить, что всегда была социально востребованной, членом команды следопытов или хотя бы успешной спортсменкой. А то и вовсе проявившей ранний интерес к политике. Но я и по сей день не состою ни в каком объединении, а политику всегда находила

унылым занятием. Правда такова, что я была эмоционально запущенной, но материально избалованной дочерью. И что Хейко и Сьюзи Микулла скорее предпочли бы сыграть в гольф с самим чёртом, чем провести со мной хотя бы минуту дольше необходимого. Не удивительно, что отчим и мать казались мне совершенно дефектными.

Говорят, что у собак нет чувства насыщения. Сколько ни суй ей под нос лакомство, она не отвернётся, а будет всё хватать. Даже если уже сожрала этого лакомства пять килограммов. Приблизительно такими же были и Микулла. Хейко сделал состояние на доле-вом участии. Он покупал и продавал фирмы. Инвестировал в идеи других. На его языке это называлось: «Я торгую иллюзиями». Если он воодушевлялся какой-то фирмой, которая, например, производила белые бильярдные столы для богатых арабов, то покупал долю или сразу всю лавочку, завязывал контакты с состоятельными клиентами, организовывал дело заново и, если оно функционировало, продавал предприятие дальше. Разумеется, у нас к тому времени тоже был белый бильярдный стол.

Хейко и мама постоянно были куда-то приглашены и объехали пол-Европы, присматривая какие-нибудь инвестиционные возможности. Фитнес-тренажёры для отеля. Последний автомобиль Джона Леннона.

Ферма, на которой начиняют гусей. Хейко никогда не интересовался людьми, чьи предприятия или продукты он покупал. Безошибочный инстинкт монетизации идей гнал его вперёд.

Любила ли его моя мать, любовалась им, боялась его или чувствовала всё сразу, я не знала. Их отношения были для меня тогда загадкой, как и их общая история. Вообще-то они часто спорили, и если между ними воцарялся мир — по-другому это и не назовёшь, — мне было более жутко, чем когда они швыряли друг в друга пакости или дроблёный лёд, поскольку Хейко выказывал недовольство её стряпнёй. В чём, кстати, был совершенно прав.

В мирные фазы они ворковали и обращались друг с другом настолько сладострастно, что постоянно возникало чувство, будто я ворвалась на их интимное свидание. Поэтому я делалась ещё более невидимой, чем обычно, и буквально исчезала в своей комнате. Или у Делии.

Делия пристрастила меня в одиннадцать лет к курению. Она жила по соседству, и её отец заседал в правлении DAX, индекса курсов акций. Поэтому он пользовался личной охраной, за ним каждое утро приезжала машина с кондиционером, словно он был экзотическим деликатесом, и вечером доставляла домой. Хейко ему завидовал. Но в то же

время был доволен тем преимуществом, что в силу особенности соседа наша улица хорошо охранялась и он мог сэкономить на сигнализации. Наша не включалась уже несколько лет, потому что однажды мама в четыре часа спяну упала в бассейн, и вой сигнализации разбудил половину Ханвальда.

Делия посвятила меня и в искусство кражи, мне не было ещё и четырнадцати, когда в наших набегах на торговый центр Кёльна я умудрилась наворовать на пару тысяч евро косметики, которую потом продавала в школе по твёрдым ценам. При этом в деньгах я не нуждалась. Гораздо больше для меня значило восхищение маленьких девочек, которые заказывали мне губную помаду или румяна. Я вытягивала из их кошельков сложенные карманные деньги и тут же забывала про них. Потом теряла или обнаруживала после стирки в каждом своих джинсах комочки десятиевровых купюр.

Дружба с Делией, которая была старше меня и уже два раза оставалась на второй год, продержалась до тех пор, пока я сама не отстала от своего класса. После этого она уже не захотела иметь со мной дел, потому что я была для неё маловата. Ведь я была тогда только в восьмом классе, а ей-то полагалось быть уже в одиннадцатом.

Она меня бросила, а я не заметила в этом роковой зависимости: смутный отец меня

бросил, мать меня в некотором роде забросила, а теперь ещё и Делия. В то время как раз эти три личности имели для меня большое значение. Я не осознавала, но это, разумеется, имело последствия, потому что с тех пор я всё больше боролась со своей неприметностью. Я выступала против, потому что хотела быть видимой. И это мне в конце концов удалось, пусть и не так, как я втайне желала.

Охрана торгового центра поймала меня за руку, когда я засунула себе под пуловер набор кисточек для макияжа. Он выпал на пол. Это было досадно, потому что футляр разбился, а мне ещё пришлось за него заплатить. Я попала на доску позора и получила запрет на вход в торговый центр, но хуже всего было то, что они позвонили маме. Она не ругалась, но полностью игнорировала меня, когда приехала в службу охраны. Ей прокрутили видеозапись с камеры наблюдения, объяснили порядок следующих шагов, и она ещё даже начала флиртовать с этим типом. Дескать, неужто и впрямь каждый закоулок под наблюдением. И что у него, пожалуй, орлиный глаз. Она называла его «инспектор» и прикидывалась дурочкой. И наконец спросила, нельзя ли будет — за умеренный взнос, в виде вознаграждения за его осмотрительность — рассматривать этот случай как учебный эпизод. Он даже задумался, но потом

сказал, что уже отчитался по этому происшествию, теперь поздно. Мама за долю секунды произвела впечатляющую смену выражения на лице и застыла как свеча, погашенная в склепе.

Затем она повернулась ко мне, коротко кивнула, и я последовала за ней на автостоянку. За обратную дорогу она не проронила ни слова. Вечером Хейко Микулла объявил, что не имеет желания сидеть за одним столом с асоциальным элементом. Меня попросили ужинать в кухне, где я выкинула ризотто в мусорное ведро. Я была уверена, что Хейко мне позавидовал. Через неделю у нас в доме царило настроение, как в бункере фюрера 30 апреля 1945 года. Мне это даже почти нравилось, потому что благодаря этому прекратилось и мучительное единодушие парочки Микулла, которое у них наблюдалось, когда наступала мирная фаза.

В девятом классе я едва избежала «почётного круга» второгодников, хотя иногда целые дни проводила с подругами, сидя на площади перед Собором или у Рейна, где полиция реже охотилась за прогульщиками. Хейко, мама и я заключили что-то вроде пакта о ненападении: я их не злила, а они меня игнорировали.

Но меня хотя бы не приносили домой пьяную, и я не курила травку, как большинство моих друзей. Я не держала дома бонг для га-

шиша и больше не воровала, тем более что к какому-то моменту действительно украдала почти всё, за исключением разве что подводной лодки и ювелирных украшений британской короны. Меня больше не тянуло; если я хотела что-то иметь, то покупала это на свою кредитную карту, которая считалась расходами на домашнее хозяйство. Денег хватало, и я не заморачивалась этим. Единственное, что бы я с удовольствием украдала, но такое не украдёшь, — это добрые моменты с мамой. Иногда они случались, и тогда мы вместе дурачились, она прикасалась ко мне, а то и чмокала в щёку. Она выделяла мне толику своей любви и тут же снова лишала её, как будто любовь была чем-то постыдным. И будто она внезапно вспоминала, чей я ребёнок.

В десятом классе я влюбилась в Макса, самого красивого парня в нашей школе. Не особо оригинальный выбор, надо сказать, оглядываясь назад. Не мудрено было увлечься им. Он же распорядился своим благоволением стратегически, и когда однажды на новогодней вечеринке увидел свой шанс лишиться меня девственности, то снизошёл до меня, что я нашла смертельно романтичным. В первую же неделю января стало ясно, что любви до гроба, о которой я мечтала, не только не выйдет, а вообще ничего даже не начнётся. На мои звонки он не отвечал

и с улыбкой проходил мимо, когда я подстерегала его у дома, чтобы поговорить.

Всё это сделало меня печальной и злой. Я опять чувствовала себя брошенной, хотя Макс никогда и не был со мной, а потому не мог и бросить. Но в моих фантазиях он был моим первым настоящим парнем, и боль от его потери превышала то утешительное знание, что в моей будущей жизни уже никогда не бывать такому бездарному сексу.

Тем не менее после истории с Максом я недели и месяцы всё больше обособлялась, замыкаясь в себе. А поскольку у меня пропало желание постоянно попадаться ему на пути в школе, я ходила туда всё реже. Объяснительные записки я подделывала, а если требовался оправдательный документ, я шла к гинекологине и жаловалась на боли в животе, что без дальнейшего осмотра приводило к справке. Школа не давала мне ничего. Я ей тоже ничего не давала.

Разумеется, всё это всплыло; в пасхальные дни пришло письмо с сообщением, что я, вероятно, не достигну цели обучения. Мама сделала то, что посчитала уместным, и курила как безумная, держа передо мной речь о том, насколько важно образование и что я погублю свою жизнь. Мол, как раз для юной женщины очень важно как следует учиться. Хотя бы для того, чтобы не попасть потом в зависимость. Тут она говорила

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Ян Вайлер

ЧЕЛОВЕК МАРКИЗЫ

Ответственный редактор Ю. Раутборт
Литературный редактор Т. Агеева
Технический редактор Л. Синуцына
Корректоры Е. Шумская, П. Шевнина
Компьютерная верстка Ю. Фролкина

В оформлении обложки использована иллюстрация
© А. Emson / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.10.2024.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 3000 экз. Т-ИЗР-34381-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «АЗБУКА*» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «АЗБУКА*» тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука- Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. не распространяется.
«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмағайды.